

Изъ статьи А. С. Будиловича въ (1 кн. Славянск. Обзорнія
1892 г.)

Предоставляя дальнѣйшимъ монографіямъ о Потебнѣ полную оцѣнку его заслугъ для русскославянской науки, мы ограничимся лишь общимъ балансомъ оставленнаго имъ литературнаго наслѣдія, съ выдѣленіемъ тѣхъ руководящихъ идей, которыя имъ завѣщаны по русскославянскому языковѣдѣнію и по словесности.

Какъ ни разнообразны труды Потебни по русскославянской диалектологіи, грамматикѣ, мнѳологіи и словесности, однако все они представляютъ нѣчто общее и цѣльное какъ со стороны методовъ изслѣдованія, такъ и по извѣстному единству тона, по присутствію одной, постепенно выясняемой идеи и научной системы.

Особенность научнаго метода Потебни заключается въ его рѣдкой цѣльности, при всей сложности входящихъ элементовъ. Другіе языковѣды пользовались обыкновенно или однимъ сравнительнымъ, или только историческимъ, или философскимъ методомъ. Потебня соединилъ ихъ въ одно цѣлое, такъ что его методъ можно бы назвать сравнительно-историко-философскимъ. Въ этомъ отношеніи Потебня всего болѣе напоминалъ Якова Гримма, котораго вдумчивый, пытливый умъ также не могъ удержаться въ рамкахъ какого либо односторонняго метода, а съ удивительной смѣлостью и энергіей прошелъ во всѣхъ направленіяхъ поле германской филологіи. Гримма напоминаетъ Потебня и по любви къ строго-фактической постановкѣ изслѣдуемаго вопроса, причемъ однако оба они не теряются въ массѣ изученнаго матеріала, но господствуютъ надъ нимъ мыслию, руководясь научнымъ методомъ и вышнимъ взглядомъ на взаимодѣйствіе матеріи и духа въ явленіяхъ языка.

Истинно-философская струя проникаетъ все сочиненія Потебни, начиная съ самыхъ раннихъ его опытовъ по мнѳологіи и диалектологіи. Но въ этихъ раннихъ сочиненіяхъ его нельзя замѣтить еще того равновѣсія между фактическимъ матеріаломъ и внутреннею его основою, какого онъ достигъ впоследствии особенно въ „Запискахъ по

русской грамматикѣ“ (1874—1889 г.) и въ Объясненіяхъ малорусскихъ и еродныхъ народныхъ пѣсенъ“ (В. 1883—87).

При поверхностномъ ознакомленіи съ этими капитальнѣйшими сочиненіями Потебни, изъ коихъ одно посвящено столь спеціальному повидимому вопросу, какъ „составное сказуемое“, а другое—дробному комментарию къ малорусскимъ обрядовымъ пѣснямъ, можно бы подумать, что сочиненія эти не выходятъ за рамки частныхъ монографій. Но если ближе изучить эти труды въ связи съ другими однородными и вдуматься въ ихъ руководящія начала и ихъ взаимную связь, то намъ представится здѣсь нѣчто очень грандіозное: опытъ перестройки заново важнѣйшихъ отдѣловъ языковѣдѣнія и словесности путемъ примѣненія новыхъ методовъ, по новой системѣ и въ духѣ новыхъ началъ.

Въ самомъ дѣлѣ, значеніе книги Потебни „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ состоитъ не въ томъ только, что онъ пролилъ новый свѣтъ на строеніе и смыслъ одной изъ формъ сказуемаго, а въ томъ, что примѣненіемъ особаго сравнительно-историческаго и психологическаго метода Потебня доказалъ возможность и даже необходимость новой системы синтаксиса, притомъ не русскаго лишь, но и любого другого языка. Особенность этой системы заключается въ томъ, что она выводится изъ языка, а не навязывается ему по готовымъ формуламъ логики или какой либо другой науки. Правда, нѣкоторые указанія на необходимость такой перестройки синтаксиса были уже ранѣе сдѣланы однимъ изъ учениковъ Вильгельма Гумбольда, Штейнталемъ; но указанія эти имѣли чисто абстрактный, философскій характеръ. Притомъ, предложивъ перестроить синтаксисъ по даннымъ психологіи, а не логики, Штейнталь не пришелъ еще къ выводу, что народная психологія въ этомъ случаѣ выражается въ его формахъ, слѣдовательно въ концѣ концовъ сводится къ этимологіи. Вотъ этотъ-то выводъ и сдѣланъ Потебнею, но не на словахъ лишь, а на дѣлѣ, путемъ примѣненія новаго, этимологическаго принципа къ изслѣдованію формъ сказуемаго. Это сближеніе синтаксиса съ этимологіей, т. е. науки о функціяхъ словъ и словесныхъ группъ съ наукою о строеніи такихъ словъ и группъ, оказалось особенно благотворнымъ еще потому, что Потебня прослѣдилъ взаимныя отношенія этихъ отдѣловъ грамматикѣ не въ одинъ лишь моментъ времени, а на протяженіи многихъ вѣковъ исторической жизни русскаго языка, сравнительно съ языками лѣтекимъ, германекимъ, классическими и другими арійскими. Выводы,

которых достигъ этимъ путемъ нашъ филологъ, были столь же замѣчательны, какъ и неожиданны. Оказалось, что и синтаксическія категоріи языка, которыя прежде считались столь же неизмѣнными, какъ законы логики, на дѣлѣ измѣняются и притомъ одновременно съ измѣненіемъ этимологическихъ формъ и во взаимодействіи съ послѣдними. Это открытіе, не только угаданное, но и доказанное Потебнѣю, имѣетъ въ языковѣдѣніи такую же важность, какъ ученіе Дарвина объ измѣняемости видовъ въ наукахъ біологическихъ.

Но Потебня не ограничился однимъ признаніемъ этого закона. Онъ успѣлъ показать на нѣкоторыхъ явленіяхъ языка направленіе внутреннихъ его измѣненій, ихъ быстроту, условія и взаимодействие съ измѣненіями морфологическими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ успѣлъ уловить и тѣ психическія ассоціаціи, которыя опредѣлили движеніе языка въ области функціональной, притомъ съ гораздо болѣею логичностью, чѣмъ напр. Миклошичъ въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ своего синтаксеа.

Дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ же взглядовъ является и статья его: „О значеніяхъ множественнаго числа въ русскомъ языкѣ“.

Конца „Записокъ по грамматикѣ“ мы не имѣемъ, но изъ частнаго письма одного изъ учениковъ Потебни, именно харьковскаго приватъ-доцента Халанскаго, узнаемъ, что при разборѣ его рукописей оказался между прочимъ III-й томъ означеннаго сочиненія. Содержаніе этого тома богато и чрезвычайно интересно. Вотъ нѣкоторыя заглавія: „о происхожденіи существительныхъ; о происхожденіи прилагательныхъ; объ употребленіи прилагательнаго вмѣсто существительнаго; объ употребленіи существительнаго вмѣсто сказуемаго; объ устраненіи подлежащаго“. Трудъ этотъ занималъ все послѣднее время жизни покойнаго и готовъ къ печати, хотя и требуетъ, по словамъ г. Халанскаго, провѣрки по матеріаламъ: Будемъ надѣяться, что харьковскіе ученики и почитатели Потебни издадутъ его въ свѣтъ.

Что касается основныхъ положеній этого III-го тома грамматики Потебни, то они нѣсколько выяняются нижеслѣдующимъ отрывкомъ изъ его автобіографическаго очерка, напечатаннаго въ III томѣ „Исторіи русской этнографіи“ г. Пыпина: «На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, носящая два заглавія: для публики «Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительныхъ»; для меня: „Объ устраненіи въ мышленіи субстанцій, ставшихъ мнимыми“, или „О борьбѣ миѣческаго мышленія съ относительно-научнымъ

въ области грамматическихъ категорій (по даннымъ преимущественно русскаго языка)“. Тутъ въ основаніи лежитъ мысль, впрочемъ не новал, что философскія обобщенія такихъ-то по имени ученыхъ основаны на философской работѣ безъименныхъ мыслителей, совершающейся въ языкѣ, что напр. математика, оперирующая съ отвлеченнымъ числомъ, отвлеченною величиною, возможна лишь тогда, когда языкъ перестанетъ ежеминутно навязывать мысль о субстанціональной вещественности числа, а въ противномъ случаѣ величайшій математикъ и философъ, какъ Пифагоръ, долженъ будетъ оставаться на этой субстанціональности“.

Въ сентябрѣ 1890 года мы имѣли случай лично изъ устъ Потебни слышать развитіе основныхъ положеній этого III тома его грамматики. Онъ предполагалъ доказать, что въ развитіи язычныхъ формъ и значеній, которое совершается по діагонали между именными и глагольными полюсами аrio-европейскихъ языковъ, торжество съ теченіемъ времени все болѣе склоняется къ послѣднимъ. Этотъ выводъ былъ бы конечно встрѣченъ сомнѣніемъ, если-бы не имѣть въ виду, что говоря объ усиленіи глагольности (*verbalitas*) въ аріискихъ, въ частности же въ славянскихъ языкахъ, Потебня имѣлъ въ виду не столько формы словъ, сколько ихъ идеи и значеніе. Въ этой побѣдѣ глагольности надъ номинальностью или дѣйствія надъ сущностью Потебня видѣлъ нѣчто аналогичное постепенному торжеству драмы надъ эпосомъ или лирикою, какъ болѣе первобытными формами словесности, а вмѣстѣ и признакъ господства духа надъ матеріей въ жизни языка.

Не менѣе глубокое значеніе и научную важность представляютъ и изслѣдованія Потебни по словесности, особенно же его разборъ Сборника червонорусскихъ пѣсенъ Головацкаго и составляющіи какъ бы продолженіе этого разбора „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ“.

Разматривая форму и содержаніе народныхъ пѣсенъ какъ органически связанные члены одного и того же физико-психическаго цѣлаго, предполагая между ними столь же тѣсную связь и взаимодействие, какъ между формою и содержаніемъ слова въ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ убѣжденіи, что форма языка и пѣсни доступны наблюдению, чѣмъ ихъ содержаніе,—Потебня примѣнилъ къ изученію народной словесности тотъ же эмпирическій методъ, который далъ столь блестящіе результаты въ языковѣдннн. Стихотворный напр. размѣръ подъ перомъ Потебни сталъ чрезвычайно важнымъ рычагомъ для опредѣленія

генезиса соотвѣтственныхъ произведеній, ихъ относительнаго возраста, фазъ развитія, отношенія къ народной психологій и къ исторіи. Съ такимъ же успѣхомъ пользовался онъ и другими внѣшними особенностями народныхъ пѣсенъ, напр. ихъ поэтической фразеологіей, различными тропами, условіями стилия, чтобы по внѣшнимъ схемамъ добираться до поэтическаго зерна пѣсни и опредѣлять условія ея развитія.

Въ послѣдніе годы своей жизни Потебня приблизился къ своду своихъ языковѣдныхъ и словесныхъ взглядовъ въ особомъ курсѣ «Теоріи словесности», который онъ читалъ студентамъ послѣднихъ выпусковъ. Въ этомъ именно курсѣ онъ предполагалъ доказать положеніе, которое считаетъ въ своей автобіографической запискѣ основнымъ вопросомъ языкознанія. Это положеніе выражено словами: «Поэзія и проза (поэтическое и научное мышленіе) суть явленія языка». Намъ приходилось лично слышать отвѣты студентовъ и разъясненія профессора по предметамъ этого курса, посвященнаго главнымъ образомъ ученію о тропахъ, въ которыхъ Потебня видѣлъ съ одной стороны зерна грамматической функціологій (наука о значеніи), съ другой же—элементы мифологій и поэзій, между которыми онъ предполагалъ органическую связь. Тѣмъ прискорбнѣе было намъ узнать отъ г. Халанскаго, что этотъ курсъ теоріи словесности не сохранился въ полномъ видѣ. Есть нѣсколько выписокъ, замѣтокъ, но все это не приведено въ порядокъ...

Въ чемъ же заключается вышнее обобщеніе, вытекающее изъ совокупности работъ Потебни? Таковымъ слѣдуетъ, кажется, признать его положеніе объ органическомъ единствѣ матеріи и формы слова, а равно формы и содержанія пѣсенъ, которое должно быть руководящимъ принципомъ при изслѣдованіи законовъ развитія какъ языка, такъ и народной словесности. Если же единство это въ ходѣ развитія языка и словесности современемъ нарушается, то въ смыслѣ господства силы надъ веществомъ, духа надъ матеріей.

Но быть можетъ самъ авторъ иначе опредѣлилъ бы руководящую идею и главный выводъ своихъ изслѣдованій. Ему не удалось, къ сожалѣнію, сказать послѣдняго своего слова, вывести своды надъ высокимъ научнымъ сооруженіемъ. Но и въ настоящемъ видѣ заслуги его для науки понетинѣ громадны. Ихъ можно сравнить съ заслугами Якова Гримма въ германистикѣ. Вліяніе Потебни еще долго и даже все сильнѣе будетъ сказываться въ развитіи науки о русскомъ словѣ и словесности.

Да позволено будетъ къ этому прибавить отзывъ о Потебнѣ, какъ фолклористѣ, извѣстнаго словинскаго ученаго, профессора Крека въ Градцѣ, изъ частнаго письма его: «Потебню я почиталъ высоко, удивляясь въ его сочиненіяхъ огромной учености, многосторонности и основательности. Его изслѣдованія по народной словесности я считаю самымъ лучшимъ изъ того, что когда-либо и гдѣ-либо было писано по этой спеціальности».
